

Ретроспектива возникновения и развития ведомственного процессуального контроля как элемента механизма исправления следственных ошибок (на примере деятельности общих революционных трибуналов в 1917–1922 гг.)

Аннотация. Становление в 1960–1990 гг. института ведомственного процессуального контроля в современном для теории уголовного процесса понимании было бы невозможным без функционирования в 1917–1922 гг. трибунальной юстиции. Использование историко-правового метода позволило проанализировать в динамике функции революционных трибуналов с общей компетенцией, исследовать их взаимоотношения с чрезвычайными комиссиями и иными органами дознания и предварительного следствия. Результаты исследования показали, что в 1917–1922 гг. трибуналы не только осуществляли правосудие по наиболее тяжким составам преступлений, но и выполняли функцию по выявлению следственных ошибок, для чего были наделены соответствующими процессуальными полномочиями. Выводы о степени эффективности реализации указанных полномочий в условиях перманентной реформы трибунальной юстиции автор делает на основании изучения статистических данных исследуемого периода. Анализ нормативных правовых актов, регулировавших деятельность революционных трибуналов, позволяет говорить о том, что в 1917–1922 гг. ведомственный процессуальный контроль не был дифференцированным и его развитие было неотделимо от эволюции судебного и ведомственного контроля, а позднее — прокурорского надзора.

Ключевые слова: ведомственный процессуальный контроль; процессуальное руководство; организационные полномочия; процессуальные полномочия; следственные ошибки; механизм исправления следственных ошибок; судебный контроль; прокурорский надзор; революционные трибуналы; следственные комиссии; чрезвычайные комиссии.

Для цитирования: Бухарина Н. П. Ретроспектива возникновения и развития ведомственного процессуального контроля как элемента механизма исправления следственных ошибок (на примере деятельности общих революционных трибуналов в 1917–1922 гг.) // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 6. — С. 116–129. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.116-129.

© Бухарина Н. П., 2024

* Бухарина Надежда Порфирьевна, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета
Свободный пр., д. 82а, г. Красноярск, Россия, 660041
buharina.np@yandex.ru

Retrospective of the Emergence and Development of Departmental Procedural Control as an Element of the Mechanism for Correcting Investigative Errors. Case Study of the Activities of Revolutionary Tribunals in 1917–1922

Nadezhda P. Bukharina, Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure and Criminology,
Law Institute, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
buharina.np@yandex.ru

Abstract. Development in 1960–1990 of departmental procedural control as the theory of criminal procedure understand it now would have been impossible without the tribunal justice in 1917–1922. The use of the historical legal method made it possible to analyze the dynamics of the functions of revolutionary tribunals with general competence, to study their relationships with emergency commissions and other bodies of inquiry and preliminary investigation. The results of the study showed that in 1917–1922 the tribunals not only administered justice for the most serious crimes, but also performed the function of identifying investigative errors, for which they were endowed with the appropriate procedural powers. The author draws conclusions about the degree of effectiveness of the implementation of these powers in the conditions of permanent reform of tribunal justice based on a study of statistical data from the mentioned period. An analysis of the normative legal acts that regulated the activities of revolutionary tribunals allows us to say that in 1917–1922 departmental procedural control was not differentiated and its development was inseparable from the evolution of judicial and departmental control, and later — prosecutorial supervision.

Keywords: departmental procedural control; procedural guidance; organizational authority; procedural powers; investigative errors; mechanism for correcting investigative errors; judicial control; prosecutor supervision; revolutionary tribunals; commissions of inquiry; emergency commissions.

Cite as: Bukharina NP. Retrospective of the Emergence and Development of Departmental Procedural Control as an Element of the Mechanism for Correcting Investigative Errors. Case Study of the Activities of Revolutionary Tribunals in 1917–1922. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):116-129. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.116-129.

Исторически сложилось, что в России значительная роль в достижении целей уголовного процесса принадлежит досудебному производству. Быстрота и качество уголовно-процессуальной деятельности на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования не только являются важнейшим условием принятия законных процессуальных решений на досудебных стадиях, но и обеспечивают возможность полного, всестороннего и объективного рассмотрения уголовного дела судом.

Ведомственный процессуальный контроль как инструмент управления уголовно-процес-

суальной деятельностью и один из элементов механизма исправления следственных ошибок имеет длительную историю своего развития. Однако в науке нет единого мнения относительно отправной точки в генезисе этого института.

Некоторые исследователи отмечают, что зачатки процессуального контроля как наиболее широкого понятия появились в результате петровских реформ, в мероприятиях которых можно проследить реализацию идеи о контроле за уголовным судопроизводством¹. Исследования других ученых позволяют сделать вывод о том, что прообраз ведомственного контроля

¹ См.: Черняков М. М. Вопросы теории и практики процессуального контроля в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 11 ; Московцева К. А. Процессуальный контроль руководителя следственного органа за деятельностью следователя в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 40–43.

мог возникнуть в результате судебной реформы 1864 г.² Объединяющей для указанных точек зрения является посылка о достаточно длительном генезисе ведомственного контроля, истоки которого лежат не только в дореволюционном, но и в дореформенном законодательстве. В общем и целом считаем данный подход вполне обоснованным.

Другая группа исследователей сужают ретроспективу и начинают отсчет с этапа, на котором ведомственный процессуальный контроль приобрел черты, характерные для современного нам института, — с введения в 1960-х гг. должности начальника следственного отдела и наделения его полномочиями, позволявшими руководить деятельностью соответствующих отделов³. Однако подобный подход, на наш взгляд, создает неверное впечатление о ведомственном процессуальном контроле как о техническом институте, созданном искусственным путем и не имевшем эволюционных форм развития в их исторической обусловленности.

При всем разнообразии научных взглядов на периодизацию ведомственного процессуального контроля авторы солидарны в том, что советский период являлся качественно новым в его становлении и развитии. Однако проблема генезиса элементов ведомственного процессуального контроля в нормативно-правовом

регулировании деятельности революционных трибуналов с общей компетенцией недостаточно изучена.

После Октябрьской революции 1917 г. формально еще почти месяц продолжали действовать законодательство, суды и следственные органы Временного Правительства, по воспоминаниям современников находившиеся в жесткой оппозиции к новой власти⁴. В условиях правовой неопределенности на местах начали стихийно возникать различные следкомиссии с судебными функциями, трибуналы и прочие чрезвычайные судебно-следственные органы⁵. Всё это обусловило принятие 24 ноября 1917 г. специального декрета, сломившего старую следственную и судебную систему, ликвидировавшего неконтролируемое революционное правосудие и заложившего основы для создания новой системы в составе народных судов и революционных трибуналов⁶.

По наиболее опасным для молодого советского государства преступлениям: контрреволюционная деятельность, саботаж, взяточничество и другие тяжкие преступления — предварительное следствие и судебное разбирательство поручались революционным трибуналам, которые представляли собой систему общих, военных, ведомственных и иных специальных следственно-судебных органов⁷.

² См.: *Солодилов А. В.* Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан, в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 13.

³ См.: *Табаков С. А.* Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: автор : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 17 ; *Садюкова У. В.* Процессуальные полномочия руководителя следственного органа: теория и практика реализации: автор : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 12.

⁴ См.: *Кадич А. Р.* О народном суде (из личных впечатлений) // Пролетарская революция и право. 1918. № 2. С. 23–30 ; *Стучка П.* Пять лет революции права // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44–45. С. 1–3.

⁵ См.: *Нахимсон Ф.* Первые дни жизни народного суда в Петрограде // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44–45. С. 28–29.

⁶ См.: Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О суде» от 24.11.1917 № 1 // URL: <https://www.prilib.ru/item/709081?ysclid=likepkni8l408681281> (дата обращения: 17.09.2023).

⁷ См. подробнее: *Ташбекова И. Ю., Колотков М. Б.* Организационно-правовая деятельность революционных трибуналов в Советской России 1917–1922 гг. // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 62–69 ; *Россинский С. Б., Грибунов О. П.* Трибунальная юстиция в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 22–32.

Декретом о суде от 24.11.1917 для осуществления функции предварительного расследования по уголовным делам, подсудным революционным трибуналам, создавались особые следственные комиссии, члены которых первоначально избирались Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (далее — Советы)⁸, а с 1919 г. назначались революционным трибуналом. В организационном отношении, предполагавшем выполнение полномочий распорядительного характера, следственные комиссии с 1917 г. по 1919 г. были непосредственно подчинены административно-исполнительной власти. С 1919 по 1922 г. подчинение было опосредованным — через революционные трибуналы, представители которых также избирались местными Советами или исполнительными комитетами Советов (далее — Исполкомы). Это позволяло формировать кадровый состав из людей, приверженных новому правительству и общественному строю. К 1922 г. революционные трибуналы и их органы на 90 % состояли из членов РКП(б), на 60 % — из рабочих и крестьян⁹.

В развитие положений Декрета о суде от 24.11.1917 Народным комиссариатом юстиции (НКЮ) была разработана Инструкция для революционных трибуналов от 19.12.1917¹⁰, которая разрешала учреждать следственные комиссии при революционных трибуналах. Согласно этой Инструкции следственные комиссии как колле-

гиальный участник уголовного судопроизводства были наделены большой процессуальной самостоятельностью при реализации возложенных на них функций¹¹.

В полномочия следственных комиссий, согласно пп. «д», «ж» п. 3 Инструкции от 19.12.1917, входило рассмотрение жалоб и сообщений о преступлениях, принятие процессуальных решений о возбуждении дела либо о его прекращении, о направлении дела по подсудности либо о его назначении к слушанию в заседании революционного трибунала. Следственные комиссии самостоятельно принимали решения о применении мер процессуального принуждения и производстве следственных действий (пп. «з» п. 3 Инструкции от 19.12.1917). Широкий комплекс процессуальных прав и обязанностей позволял следственным комиссиям задавать расследованию определенный вектор, контролировать движение уголовного дела, оканчивать предварительное расследование и определять дальнейшее направление уголовного дела. Это предоставляло возможность совмещать выполнение функций предварительного следствия и предания суду, а также осуществлять самопроверку уголовно-процессуальной деятельности, компенсируя таким образом в той или иной мере отсутствие дореволюционных институтов прокуратуры и предания суду. Тем не менее практика показывала, что предоставленная следователям процессуальная самостоятельность,

⁸ Необходимо отметить, что Декретом о суде от 24.11.1917 закреплялось правило о формировании следственных комиссий исключительно при губернских и городских Советах. При этом опубликованная позднее Инструкция революционным трибуналам НКЮ от 19.12.1917 фактически расширила это правило, что позволяло создавать следственные комиссии непосредственно при революционных трибуналах.

⁹ См.: *Тарновский Е. Н.* Личный состав и репрессия ревтрибуналов // *Еженедельник Советской Юстиции.* 1922. № 11. С. 6–7.

¹⁰ Инструкция Народного комиссариата юстиции РСФСР «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний, и о порядке ведения его заседаний» от 19.12.1917 // URL: <https://znanium.com/read?id=165651> (дата обращения: 17.09.2023).

¹¹ Следует отметить, что в науке существует и иная точка зрения, согласно которой процессуальная самостоятельность невозможна при коллегиальном способе расследования уголовных дел, имевшем место в 1917–1922 гг. (*Огородов А. Н.* Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 31). Не вступая с автором в дискуссию, отметим, что с указанной позицией сложно согласиться. Статья 163 УПК РФ, например, закрепляет основания и порядок осуществления предварительного следствия следственной группой. Однако мы не можем в рассматриваемом случае отказать их участникам в процессуальной самостоятельности.

которую можно было назвать процессуальной свободой, не способствовала сокращению сроков предварительного следствия. Нормативно установленный срок в 48 часов на практике растягивался на 6–7, а порой и 8 месяцев¹².

В связи с упразднением Устава уголовного судопроизводства 1864 г. правовое регулирование предварительного следствия и процессуальных способов обеспечения его законности носило фрагментарный характер. Анализ Инструкции от 19.12.1917 во взаимосвязи с нормами постановления НКЮ от 16.12.1917¹³ позволил установить, что законность арестов и следственных действий, в том числе обысков и выемок, обеспечивалась их осуществлением на основании письменного ордера, выдаваемого уполномоченным органом — коллегией из трех членов следственной комиссии. Решение об избрании меры пресечения по общему правилу было законным, если оно санкционировано следственной комиссией. Но в ситуациях, не терпящих отлагательства, мера пресечения могла быть избрана каждым членом комиссии самостоятельно и в течение 12 часов утверждена в установленном порядке. Революционная совесть и правосознание правоприменителей служили в таких случаях гарантией законности принимаемых решений.

Отмена дореволюционных институтов прокурорского надзора и судебного контроля создавали предпосылки для возникновения иных — ведомственных — форм обеспечения законности в ходе предварительного следствия. Постановлением НКЮ от 16.12.1917 Совет народных комиссаров, Советы и их Исполкомы, революционные трибуналы, НКЮ и пр. наделялись функциями контроля за отдельными процес-

суальными действиями подведомственных им следственных органов. Эта функция реализовывалась через закрепление полномочий по рассмотрению «заявлений о неправильных действиях и упущениях»¹⁴ при производстве обысков, выемок и иных следственных действий, а также арестов. Анализ нормативных актов показывает, что в сложившихся условиях процедура рассмотрения жалоб на постановления следственных комиссий вышестоящей инстанцией выступала единственным прямо закрепленным способом выявления и исправления ошибок.

Законодательство не исключало возможности подачи жалоб в НКЮ. Но на практике этот способ был недостаточно эффективен. По воспоминаниям дореволюционного юриста Н. В. Майера, проходившего службу в НКЮ, комиссариат, требуя отмены решения революционного трибунала, часто опирался «...за отсутствием законных иерархических оснований, на решительность тона и категоричность выражений. В некоторых случаях, — отмечал Н. В. Майер, — эти требования посылались даже телеграфно. Но решительно никаких признаков того или другого результата этих бумажек в комиссариате не имелось»¹⁵.

Таким образом, в рассматриваемый период процессуальная самостоятельность следственных комиссий при революционных трибуналах была достаточно широкой. Процессуальный контроль носил ведомственный характер и был ограничен только рассмотрением жалоб на решения и действия следственных комиссий при производстве обысков, выемок и иных следственных действий, а также арестов.

Ленинским Декретом от 04.05.1918 трибунальная юстиция была реформирована в свя-

¹² См.: Дополнительная резолюция, принятая на I Всероссийском съезде ответственных работников революционных трибуналов по 1-му и 2-му пункту порядка дня в заседании 30 октября 1918 г. // Судостроительство РСФСР : лекции по теории и истории судостроительства. М., 1923. С. 319.

¹³ Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР «О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений» от 16.12.1917 // URL: <https://znanium.com/read?id=165651> (дата обращения: 17.09.2023).

¹⁴ Абз. 2 постановления «О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений» от 16.12.1917.

¹⁵ Майер Н. Служба в комиссариате юстиции и народном суде // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном : в 22 т. Берлин : Слово, 1923. Т. 8. С. 59.

зи со стихийным многообразием структуры и компетенции революционных трибуналов на местах. Изменения затронули также и организацию процессуального контроля.

Согласно п. 5 данного Декрета, в составе революционного трибунала учреждался новый орган — коллегия обвинителей, членам которой была передана часть полномочий следственных комиссий. В компетенцию нового участника уголовного процесса входило согласование прекращения уголовного дела и предания обвиняемого суду (п. 8 Декрета от 04.05.1918), проверка полноты предварительного следствия, контроль правильности определения подсудности (пп. «б» п. 6 Декрета от 04.05.1918). Указанные полномочия носили ярко выраженный контролирующий характер и были направлены на выявление и устранение на этапе завершения предварительного следствия ошибок, снижающих эффективность работы революционных трибуналов в целом.

Вместе с тем источники содержат сведения еще об одной группе процессуальных полномочий коллегий, связанных с их непосредственным участием в предварительном следствии. Согласно Инструкции Центральной обвинительной коллегии 1918 г. члены коллегии обвинителей были вправе участвовать в любом деле в качестве стороны, присутствовать при проведении некоторых следственных действий, в частности допроса свидетелей, требовать их передопроса и получения новых доказательств¹⁶. Кроме того, представители коллегии обвинителей участвовали совместно со следователями следственных комиссий в составлении обвинительного заключения, фактическую сторону которого излагали следователи, а формулирование тезисов обвинения возлагалось на членов коллегии¹⁷. Выполнение анализируемых полномочий было связано с непосредственным вмешательством в деятельность следователя и являлось, по

нашему мнению, зачатками процессуального руководства предварительным следствием. Но законодатель не пошел по пути развития подобных форм процессуального взаимодействия, и последующими нормативными актами данный порядок был упразднен.

Доступные источники содержат сведения о том, что в 1917–1918 гг. в производстве революционных трибуналов находилось в отдельных случаях не более 5 % уголовных дел, составлявших подсудность, установленную Инструкцией от 19.12.1917 и Декретом от 04.05.1918¹⁸. Современники вспоминали, что революционные трибуналы превратились в тот период в универсальные инстанции, которые разрешали все дела, в том числе и бракоразводные¹⁹. Перегруженность трибуналов, неопытность кадрового состава и дискретность правового регулирования их деятельности оставались основными факторами, снижающими эффективность предварительного следствия.

Рассмотрим показатели деятельности следственных комиссий в 1917–1918 гг., приведенные в таблице 1.

Из графы 2 таблицы 1 следует, что количество возбужденных дел, подсудных революционному трибуналу, и дел, относившихся к подсудности иных судов, было примерно одинаковым. При этом удельный вес уголовных дел, направленных для рассмотрения по существу, составлял более 60 % по делам, подсудным трибуналу, и 40 % — по иным. Соответственно, приоритетной для следственных комиссий являлась борьба с контрреволюционной, экономической и должностной преступностью, уровень которой был достаточно высоким.

Удельный вес прекращенных следственными комиссиями уголовных дел, подсудных революционному трибуналу, равнялся 18,2 % против 15,4 % по делам иных категорий. В структуре прекращенных уголовных дел контррево-

¹⁶ Привод. по: Судоустройство РСФСР : лекции по теории и истории судоустройства. С. 85.

¹⁷ Привод. по: Судоустройство РСФСР : лекции по теории и истории судоустройства. С. 85.

¹⁸ См.: Берман Я. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 50–51.

¹⁹ См.: Данишевский К. Х. Революционные военные трибуналы. М. : Изд. Реввоен трибунала Республики, 1920. С. 9–10 ; Майер Н. Указ. соч. С. 59.

Таблица 1

Расследование и рассмотрение уголовных дел, подсудных революционным трибуналам²⁰

Показатель работы	1917–1918 гг.	I пол. 1919 г.	1920 г.	II пол. 1921 г.
Всего возбуждено уголовных дел, в том числе:	12 223	—	—	—
— подсудных революционному трибуналу (РТ);	5 420	—	—	—
— иных	6 803	—	—	—
Всего прекращено уголовных дел, в том числе:	2 040	2 327	—	—
— подсудных РТ;	989	2 327	—	—
удельный вес от количества возбужденных уголовных дел (%)	18,2	—	—	—
— иных	1 051	—	—	—
удельный вес от количества возбужденных уголовных дел (%)	15,4	—	—	—
Всего направлено уголовных дел в РТ, в том числе:	6 104	8 000	36 923	12 368
— подсудных РТ;	3 340	6 737	36 923	12 368
удельный вес от количества возбужденных уголовных дел (%)	61,6	—	—	—
— иных	2 764	1 263	—	—
удельный вес от количества возбужденных уголовных дел (%)	40,6	—	—	—
Всего окончено производством в РТ, в том числе:	1 818	1 719	—	—
— подсудных РТ;	1 818	1 719	—	—
удельный вес от количества направленных в РТ уголовных дел (%)	54,4	25,5	—	—
— иных	—	—	—	—
удельный вес от количества направленных в РТ уголовных дел (%)	—	—	—	—
Оправдано РТ, % от общего числа	28	27	—	11–12

люционные выступления составляли 43 %²¹, спекуляция — 31 %, взяточничество, подлог, неправомерное использование советских документов — 16 %²², иные из категории подсудных трибуналам — 10 %²³.

Для наглядности введем статистический показатель интенсивности²⁴. Расчет интенсивности репрессивной деятельности революционных трибуналов показывает, что на 100 окончанных производств было оправдано 38,8 человека²⁵.

²⁰ Составлено автором на основе материалов: Берман Я. Указ. соч. С. 47–78 ; Титов Ю. П. Развитие системы советских революционных трибуналов : учеб. пособие / отв. ред. И. А. Исаев. М. : ВЮЗИ, 1987. С. 27 ; Родин Д. Революционные трибуналы в 1920–1922 гг. // Вестник статистики. 1923. № 1–4. Кн. XIII. С. 154–179.

²¹ Контрреволюционные преступления являлись новеллой советского законодательства. Понятие контрреволюционной деятельности не было конкретизировано вплоть до издания циркуляра Кассационного отдела ВЦИК № 1 от 05.10.1918, опубликованного в газете «Известия» от 06.10.1918 № 217. До указанного момента правоприменителям предоставлялось право самостоятельно наполнять его содержанием, руководствуясь «революционной совестью и правосознанием». В этой связи очень красноречивым является монолог героя повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» профессора Преображенского: «...никакой

Таким образом, анализ позволяет заключить, что при достаточно высоком уровне контрреволюционной, экономической и должностной преступности в 1917–1918 гг. отмечался большой процент прекращенных следственными комиссиями уголовных дел, а также достаточно низкая интенсивность репрессии трибуналов, что свидетельствовало о значительном количестве допущенных в ходе предварительного следствия ошибок, не позволивших достичь актуальных для того исторического периода целей деятельности революционных трибуналов и их органов. Между тем анализируемые показатели дают представление о степени эффективности осуществления контрольных полномочий, позволивших обеспечить соответствующий общественно-политическим и правовым реалиям того времени уровень законности (революционной) и выявить определенное количество следственных ошибок.

Мятеж Чехословацкого корпуса, восстание левых эсеров в Москве, покушение на В. И. Ленина, «красный террор» и эскалация граждан-

ской войны выступили факторами реформирования трибунальной юстиции и возврата к упрощенному судопроизводству, что соответствовало задачам, возложенным в тот период на трибунал как в первую очередь орган революционной расправы, а не суд²⁶.

С принятием Декрета ВЦИК «О революционных трибуналах» от 12.04.1919²⁷ (далее — Положение от 12.04.1919) оформилась их единая система. Все иные чрезвычайные судебные учреждения ликвидировались, коллегии обвинителей в том виде, в котором они существовали в 1918 г., упразднялись, полномочия следственных комиссий секвестировались и т.д.

Согласно новому положению, революционные трибуналы совмещали функции суда первой инстанции и органа, осуществлявшего контроль за деятельностью следственных комиссий и ЧК²⁸.

Во взаимоотношениях с ЧК революционные трибуналы наделялись (с учетом установленных изъятий) правом проверки отдельных следственных действий (п. 8 Положения от

контрреволюции! Кстати, вот еще слово, которое я совершенно не выношу! Абсолютно неизвестно, что под ним скрывается! Черт его знает!» (*Булгаков М. А. Собачье сердце // Собрание сочинений : в 5 т. М. : Худож. лит., 1989. Т. 2. С. 146*).

²² По уголовным делам о преступлениях по должности даже в царские времена был весьма высокий процент оправданий в силу сложности их раскрытия и расследования. На это указывал, например, Е. Н. Тарновский (см.: *Тарновский Е. Н. Оправдательные приговоры в России // Юридический вестник. 1891. Кн. 3. С. 425–441*). Учитывая социальный состав и уровень образования членов первых революционных трибуналов, информация о которых была достаточно хорошо изучена (см.: *Тарновский Е. Н. Личный состав и репрессия ревтрибуналов // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 11. С. 6–7 ; Рогинский Т. К вопросу о личном составе и репрессиях ревтрибуналов // Там же. № 13. С. 6–7*), можно предположить, что при расследовании этих видов преступлений ошибки были распространенным явлением.

²³ См.: *Берман Я. Указ. соч. С. 47–49, 54–55, 57*.

²⁴ Подробнее об относительных величинах: Теория статистики с элементами эконометрики : учебник / под ред. В. В. Ковалева. М. : Юрайт, 2014. С. 142–148.

²⁵ См. исходные данные для расчетов: *Берман Я. Указ. соч. С. 65*.

²⁶ См.: В. И. Ленин и ВЧК : сборник документов (1917–1922 гг.) / сост. Ж. Г. Адиекова [и др.]. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1975. С. 144–145.

²⁷ Декрет ВЦИК «О революционных трибуналах» (положение) от 12.04.1919 // URL: <https://znanium.com/read?id=212204> (дата обращения: 17.09.2023).

²⁸ Необходимо отметить, что в изучаемый период развитие трибунальной юстиции проходило в условиях острой борьбы между ВЧК и революционными трибуналами за нормативное закрепление той или иной ведомственной модели следствия, судебного разбирательства и осуществления контроля, результатом которой явилось компромиссное Положение от 12.04.1919, развивавшее закрепленные постановлением ЦИК от 17.02.1919 принципы процессуального взаимодействия указанных органов (см. подробнее:

12.04.1919), проводимых органами ЧК. Однако перечень конкретных следственных действий, по которым могла быть проведена проверка, в каком-либо нормативном акте не раскрывался.

Анализ Положения от 12.04.1919 показывает, что механизм и правовые последствия применения членами революционных трибуналов п. 8 указанного акта не были урегулированы, что дает основание утверждать скорее об его декларативности. Вместе с тем нормативное закрепление подобного правомочия контроля с оттенком процессуального руководства в отношении органа, осуществлявшего следствие и не находившегося в ведомственной подчиненности, создавало правовые предпосылки для будущей реставрации института прокурорского надзора.

По отношению к следственным комиссиям революционные трибуналы выполняли функции контролирующего органа. В силу Положения от 12.04.1919 за трибуналами были закреплены исключительные компетенции по прекращению уголовного дела и изменению меры пресечения (п. 9), по продлению сроков предварительного следствия (п. 14), по направлению материалов на доследование в случае выявления такой неполноты предварительного расследования, которая не могла быть преодолена в ходе судебного следствия (п. 22), по рассмотрению протестов, жалоб, ходатайств обвиняемых (п. 16). Таким образом, контроль за деятельностью следственных комиссий оставался ведомственным процессуальным по форме, но по содержанию полномочий носил черты судебного контроля с элементами процессуального руководства.

Доступные источники не позволяют в полной мере сопоставить данные об эффективности контрольных полномочий революционных трибуналов на основании Положения от 12.04.1919 с данными 1917–1918 гг. Показатели в графах 2–3 таблицы 1 свидетельствуют об увеличении

количества прекращенных уголовных дел более чем на 2 %. Одновременно мы можем наблюдать снижение удельного веса уголовных дел, оконченных производством, в общем количестве направленных в трибуналы дел с 54,4 % в 1917–1918 гг. до 25,5 % в 1919 г. При этом показатель интенсивности репрессии революционных трибуналов составил 49,3 оправданных на 100 оконченных производств²⁹. Объяснением этому могут служить разные факторы. Например, большая нагрузка на аппарат революционных трибуналов при ограниченности кадровых ресурсов, упрощение процедур и сокращение сроков судопроизводства, не позволявших объективно и всесторонне исследовать обстоятельства дела, и пр. Наряду с этим, в качестве одной из причин рассмотренных структурных изменений можно назвать ограничение процессуальной самостоятельности следственных комиссий и расширение контрольной функции революционных трибуналов. Частичная реставрация дореволюционной практики обращения дела к доследованию в случае невозможности пробелов предварительного следствия³⁰ в совокупности с наделением трибуналов полномочиями по принятию решения о прекращении уголовного дела выступили предпосылкой к увеличению случаев выявления следственных ошибок, о количестве которых дают представление приведенные статистические показатели.

Новеллой Положения от 12.04.1919 являлось возложение на следственные комиссии обязанностей по контролю за полнотой дознания, проведенного иными органами (кроме ЧК) по сообщениям, поступающим в революционные трибуналы, и по исправлению выявленных недостатков (п. 13). Эта норма получит развитие в Положении о революционных трибуналах 1920 г., с принятием которого следственные комиссии будут упразднены (за исключением комиссий

Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1922). М. : Политиздат, 1960. С. 132–134, 139, 141 ; Феликс Эдмундович Дзержинский : биография / редкол. А. С. Велидов [и др.]. 3-е изд., доп. М. : Политиздат, 1987. С. 158, 162–164).

²⁹ См. исходные данные для расчетов: Титов Ю. П. Указ. соч. С. 27.

³⁰ См.: Городынский Я. О дополнении оконченных предварительных следствий (эпизод из следственной практики) // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. Кн. 4. С. 75–142.

военных и военно-железнодорожных трибуналов, комиссии при Верховном революционном трибунале)³¹, а в составе трибуналов появится новая единица — следователь-докладчик.

Согласно ст. 8–11 Положения от 18.03.2020 в обязанности следователя-докладчика входила проверка материалов, поступавших в революционные трибуналы от ЧК, особых отделов и иных органов, поименованных в ст. 1 указанного акта. По результатам такой проверки принималось одно из следующих решений: о назначении дела к слушанию, о направлении материалов на доследование или о производстве отдельных следственных действий либо о прекращении уголовного дела (ст. 13 Положения от 18.03.2020).

В исключительных случаях революционный трибунал мог поручить восполнить недостатки дознания и следствия следователю-докладчику, который наделялся правом запрашивать все относящиеся к делу материалы³², производить необходимые следственные действия (ст. 9 Положения от 18.03.2020) и пр. При этом значительная часть процессуальной деятельности следователя-докладчика — производство следственных действий, арестов, изменение меры пресечения, освобождение из-под стражи или привлечение в качестве обвиняемого — осуществлялась исключительно с письменного согласия председателя трибунала, который фактически выполнял функцию процессуального руководства до следованием (ст. 10 Положения от 18.03.2020).

Децентрализация функций расследования дел, подведомственных революционным трибуналам, с одной стороны, не позволяла сконцентрировать всю полноту репрессии в руках ЧК или революционных трибуналов, а с другой — закладывала предпосылки для развития ведомственного контроля как самостоятельного

направления деятельности соответствующих органов. В качестве примера можно привести контроль ВЧК за работой местных ЧК. Так, в одном из циркулярных писем ВЧК содержались не только общие руководящие начала о порядке взаимодействия ЧК и революционных трибуналов, но и требования к обеспечению полноты следствия, по завершению которого «...список вещественных доказательств; список обвиняемых с указанием, кто из них под стражей; точное указание виновности каждого с указанием фактов, доказанных в отношении данного лица, и с обязательным выделением в особую группу лиц, по отношению к которым имеются только данные розыска, не подтвержденные сверх того ничем»³³ должны быть предоставлены в полном объеме для предупреждения возвращения уголовных дел на до следование в ЧК.

Еще одним направлением деятельности революционного трибунала в соответствии со ст. 9 Положения от 18.03.1920 продолжала оставаться проверка следственных действий по делам, находящимся в производстве ЧК и особых отделов, но по которому уже проведены все розыскные мероприятия. На практике нередко возникали трудности с определением момента их окончания, что позволяло подконтрольным органам нивелировать норму ст. 9. Точку в данном вопросе поставил 2-й Съезд деятелей революционных трибуналов, проходивший в апреле 1920 г. Согласно резолюции Съезда окончание розыскных действий должно было связываться с моментом «...проведения ликвидации преступной деятельности привлекаемых лиц путем ареста их по постановлениям Ч.К. и предъявления главным виновникам обвинения при первых допросах и сосредоточения в руках соответствующего следователя всех данных розыска до следственной разработки»³⁴.

³¹ Декрет ВЦИК «О революционных трибуналах» (положение) от 18.03.1920 // URL: <https://znanium.com/read?id=212206> (дата обращения: 17.09.2023).

³² См., например: п. 1 § 3 Инструкции ВЧК «О взаимоотношении ревтрибуналов и ЧК на местах» от 11.08.1920 № 102 // Из истории земли Томской. 1917–1921. Народ и власть : сборник документов и материалов. Томск, 1997. С. 105.

³³ Циркулярное письмо ВЧК «О взаимоотношениях чрезвычайных комиссий с трибуналами» от 17.04.1920 № 4 // Сталин и государственная безопасность / ред. О. Селин. М. : Алгоритм, 2013. С. 26.

³⁴ Цит. по: Судостроительство РСФСР : лекции по теории и истории судостроительства. С. 123.

В качестве способа преодоления контроля со стороны революционных трибуналов также применялось и ведомственное нормотворчество. Проверка следственных действий, как указывалось в инструкции ВЧК, может быть проведена только тем членом трибунала, который входит в его состав от губЧК, а в исключительных случаях — «по постановлению всей коллегии трибунала помимо его»³⁵. Как видим, обеспечение реального контроля за производством ЧК следственных действий на основании ст. 9 Положения от 18.03.1920 было затруднено и носило скорее формальный характер.

Революционные трибуналы сохранили право проверять законность содержания под стражей. Между тем процедура изменения данной меры пресечения была усложнена по сравнению с порядком, урегулированным пунктом 11 Положения от 12.04.1919. Трибуналы обязали выходить с предложением об изменении меры пресечения к тому учреждению, за которым было закреплено лицо, находящееся под стражей (ст. 12 Положения от 18.03.1920). При этом соответствующий орган был вправе отклонить предложение трибунала своим мотивированным ответом.

Процедура прекращения уголовного дела также была реформирована. Согласно ст. 10 Положения от 18.03.1920 рассмотрение вопроса о прекращении дела теперь составляло предмет распорядительного заседания пленума трибунала.

Закрепленные Положением от 18.03.1920 формы и порядок контроля за деятельностью ЧК, особых отделов, иных органов, правомочных направлять дела в трибуналы, и следователей-докладчиков оставались в общем и целом неизменными до судебной реформы 1922–1923 гг.

Таким образом, к 1920-м гг. трибунальная юстиция окончательно сложилась структурно и

функционально. Революционный трибунал представлял собой орган, выполнявший функции суда первой инстанции по наиболее тяжким составам преступлений и осуществлявший контрольные полномочия в отношении процессуальной деятельности значительного количества субъектов.

В зависимости от объема прав и обязанностей революционных трибуналов, а также от ведомственной принадлежности органов можно выделить два направления контрольной деятельности трибуналов.

В качестве первого, обеспечивавшего законность (революционную) принимаемых трибуналами решений, можно назвать ведомственный процессуальный контроль и руководство в отношении подчиненных следователей-докладчиков, выполнявших функцию доследования. О степени эффективности работы в данном направлении косвенно свидетельствует сокращение количества вынесенных трибуналами оправдательных приговоров с 27 % в первой половине 1919 г. до 11–12 % во второй половине 1921 г. (графы 3 и 5 таблицы 1).

Вторым направлением выступали мероприятия по выявлению и профилактике следственных ошибок, допускавшихся при выполнении отдельных видов процессуальной деятельности органами дознания и следствия — ЧК, особыми отделами и пр. Однако на практике контроль был номинальным, а объем полномочий и штат трибуналов — явно непропорциональными нагрузке. Так, значительный прирост направленных в период с 1917 г. по 1921 г. на рассмотрение в трибуналы уголовных дел (графы 2–5 таблицы 1) и высокий показатель их прекращения (графа 2 таблицы 2) позволяет сделать вывод, что революционные трибуналы были перегружены и не справлялись в полной мере с теми задачами, которые стояли перед ними в сфере выявления ошибок следствия.

³⁵ П. 2 § 3 инструкции ВЧК «О взаимоотношении ревтрибуналов и ЧК на местах» от 11.08.1920 № 102. С. 105.

Т а б л и ц а 2
**Прекращение уголовных дел
на 100 окончанных производством³⁶**

Год	Прекращено уголовных дел	
	революционными трибуналами	народными судами
1917–1918	60	—
1919	135	—
1920	130	95
1921	86	82
1922	47	—

Сопоставляя данные, получаем, что за 1920 г. революционными трибуналами было прекращено почти в 1,5 раза больше уголовных дел, чем народными судами, в 1921 г. количество прекращенных уголовных дел в обеих инстанциях находилось примерно на одном уровне. Принимая во внимание относительную стабилизацию общественно-политической обстановки в стране в годы НЭПа, а также изменение подследственности дел, поступавших на рассмотрение, приведенные показатели явно свидетельствовали о назревшей необходимости развития

и нормативного закрепления различных видов и форм процессуального контроля, которые в своей совокупности могли бы обеспечить повышение эффективности следственной деятельности.

В рассматриваемый исторический отрезок времени ведомственный процессуальный контроль еще не был дифференцирован и продолжил свою эволюцию в 1920–1950-х гг. в недрах прокурорского надзора, судебного контроля и ведомственного контроля.

Изучение нормативно-правового регулирования деятельности революционных трибуналов в совокупности с анализом статистических данных позволяет сделать вывод, что механическое перераспределение полномочий без учета отраслевого и межотраслевого согласования норм, практик межведомственного взаимодействия, сложившихся следственных традиций и специфики расследуемых видов преступлений не было способно обеспечить эффективность контрольной деятельности единого судебно-следственного органа и предопределило дальнейшую дифференциацию и специализацию процессуального контроля.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берман Я. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. — 1919. — № 1. — С. 47–78.
2. В. И. Ленин и ВЧК : сборник документов (1917–1922 гг.) / сост. Ж. Г. Адиебекова [и др.]. — 2-е изд., доп. — М. : Политиздат, 1975. — 641 с.
3. Горыдынский Я. О дополнении окончанных предварительных следствий (этюды из следственной практики) // Журнал гражданского и уголовного права. — 1885. — Кн. 4. — С. 75–142.
4. Данишевский К. Х. Революционные военные трибуналы. — М. : Изд. Реввоен трибунала Республики, 1920. — 61 с.
5. Кадич А. Р. О народном суде (из личных впечатлений) // Пролетарская революция и право. — 1918. — № 2. — С. 23–30.
6. Майер Н. Служба в комиссариате юстиции и народном суде // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном : в 22 т. Т. 8. — Берлин : Слово, 1923. — 199 с.
7. Московцева К. А. Процессуальный контроль руководителя следственного органа за деятельностью следователя в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2023. — 315 с.
8. Нахимсон Ф. Первые дни жизни народного суда в Петрограде // Ежедневник советской юстиции. — 1922. — № 44–45. — С. 28–29.

³⁶ Составлено автором на основе материалов: Берман Я. Указ. соч. С. 47–78 ; Титов Ю. П. Указ. соч. С. 27 ; Родин Д. Указ. соч. С. 154–179.

9. *Огородов А. Н.* Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 251 с.
10. *Рогинский Т.* К вопросу о личном составе и репрессиях ревтрибуналов // *Еженедельник советской юстиции*. — 1922. — № 13. — С. 6–7.
11. *Родин Д.* Революционные трибуналы в 1920–1922 гг. // *Вестник статистики*. — 1923. — № 1-4. — Кн. XIII. — С. 154–179.
12. *Россинский С. Б., Грибунов О. П.* Трибунальная юстиция в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. — 2022. — № 4 (103). — С. 22–32.
13. *Садиокова У. В.* Процессуальные полномочия руководителя следственного органа: теория и практика реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2020. — 32 с.
14. *Софинов П. Г.* Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1922). — М. : Политиздат, 1960. — 247 с.
15. *Стучка П.* Пять лет революции права // *Еженедельник советской юстиции*. — 1922. — № 44–45. — С. 1–3.
16. *Солодилов А. В.* Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан, в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 1999. — 310 с.
17. *Судоустройство РСФСР : лекции по теории и истории судоустройства*. — М., 1923. — 406 с.
18. *Табачков С. А.* Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2009. — 26 с.
19. *Тарновский Е. Н.* Оправдательные приговоры в России // *Юридический вестник*. — 1891. — Кн. 3. — С. 425–441.
20. *Тарновский Е. Н.* Личный состав и репрессия ревтрибуналов // *Еженедельник советской юстиции*. — 1922. — № 11. — С. 6–7.
21. *Ташбекова И. Ю., Колотков М. Б.* Организационно-правовая деятельность революционных трибуналов в Советской России 1917–1922 гг. // *Актуальные проблемы российского права*. — 2009. — № 1. — С. 62–69.
22. *Теория статистики с элементами эконометрики : учебник / под ред. В. В. Ковалева*. — М. : Юрайт, 2014. — 670 с.
23. *Титов Ю. П.* Развитие системы советских революционных трибуналов : учеб. пособие / отв. ред. И. А. Исаев. — М. : ВЮЗИ, 1987. — 71 с.
24. *Феликс Эдмундович Дзержинский : биография / редкол. А. С. Велидов [и др.]*. — 3-е изд., доп. — М. : Политиздат, 1987. — 509 с.
25. *Черняков М. М.* Вопросы теории и практики процессуального контроля в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2005. — 19 с.

Материал поступил в редакцию 19 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Berman Ya. O revolyutsionnykh tribunalakh // *Proletarskaya revolyutsiya i pravo*. — 1919. — № 1. — S. 47–78.
2. V. I. Lenin i VChK: sbornik dokumentov (1917–1922 gg.) / sost. Zh. G. Adibekova [i dr.]. — 2-e izd., dop. — M.: Politizdat, 1975. — 641 s.
3. Gorodyskiy Ya. O dopolnenii okonchennykh predvaritelnykh sledstviy (etyud iz sledstvennoy praktiki) // *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava*. — 1885. — Kn. 4. — S. 75–142.
4. Danishevskiy K. Kh. Revolyutsionnye voennye tribunaly. — M.: Izd. Revvoentribunala Respubliki, 1920. — 61 s.

5. Kadich A. R. O narodnom sude (iz lichnykh vpechatleniy) // Proletarskaya revolyutsiya i pravo. — 1918. — № 2. — S. 23–30.
6. Mayer N. Sluzhba v komissariate yustitsii i narodnom sude // Arkhiv russkoy revolyutsii, izdavaemyy I. V. Gessenom: v 22 t. T. 8. — Berlin: Slovo, 1923. — 199 s.
7. Moskovtseva K. A. Protsessualnyy kontrol rukovoditelya sledstvennogo organa za deyatelnostyu sledovatelya v dosudebnom proizvodstve po ugovnym delam: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2023. — 315 s.
8. Nakhimson F. Pervye dni zhizni narodnogo suda v Petrograde // Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii. — 1922. — № 44–45. — S. 28–29.
9. Ogorodov A. N. Protsessualnaya samostoyatel'nost sledovatelya v ugovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2018. — 251 s.
10. Roginskiy T. K voprosu o lichnom sostave i repressiyakh revtribunalov // Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii. — 1922. — № 13. — S. 6–7.
11. Rodin D. Revolyutsionnye tribunaly v 1920–1922 gg. // Vestnik statistiki. — 1923. — № 1–4. — Kn. XIII. — S. 154–179.
12. Rossinskiy S. B., Gribunov O. P. Tribunalnaya yustitsiya v pervye gody sovetskoy vlasti (1917–1922 gg.) // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. — 2022. — № 4 (103). — S. 22–32.
13. Sadiokova U. V. Protsessualnye polnomochiya rukovoditelya sledstvennogo organa: teoriya i praktika realizatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2020. — 32 s.
14. Sofinov P. G. Ocherki istorii Vserossiyskoy chrezvychaynoy komissii (1917–1922). — M.: Politizdat, 1960. — 247 s.
15. Stuchka P. Pyat let revolyutsii prava // Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii. — 1922. — № 44–45. — S. 1–3.
16. Solodilov A. V. Sudebnyy kontrol za provedeniem sledstvennykh deystviy i resheniyami prokurora i organov rassledovaniya, ograniчивayushchimi konstitutsionnye prava i svobody grazhdan, v ugovnom protsesse Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Tomsk, 1999. — 310 s.
17. Sudoustroystvo RSFSR: lektsii po teorii i istorii sudoustroystva. — M., 1923. — 406 s.
18. Tabakov S. A. Vedomstvennyy protsessualnyy kontrol za deyatelnostyu sledovateley i doznateley organov vnutrennikh del: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Omsk, 2009. — 26 s.
19. Tarnovskiy E. N. Opravdatelnye prigovory v Rossii // Yuridicheskiy vestnik. — 1891. — Kn. 3. — S. 425–441.
20. Tarnovskiy E. N. Lichnyy sostav i repressiya revtribunalov // Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii. — 1922. — № 11. — S. 6–7.
21. Tashbekova I. Yu., Kolotkov M. B. Organizatsionno-pravovaya deyatel'nost revolyutsionnykh tribunyalov v Sovetskoy Rossii 1917–1922 gg. // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2009. — № 1. — S. 62–69.
22. Teoriya statistiki s elementami ekonometriki: ucheb. / pod red. V. V. Kovaleva. — M.: Yurayt, 2014. — 670 s.
23. Titov Yu. P. Razvitie sistemy sovetskikh revolyutsionnykh tribunyalov: ucheb. posobie / otv. red. I. A. Isaev. — M.: VYuZi, 1987. — 71 s.
24. Feliks Edmundovich Dzerzhinskiy: biografiya / redkol. A. S. Velidov [i dr.]. — 3-e izd., dop. — M.: Politizdat, 1987. — 509 s.
25. Chernyakov M. M. Voprosy teorii i praktiki protsessualnogo kontrolya v dosudebnom proizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Omsk, 2005. — 19 s.